

8. Осовська І. М. Стратегії і преферентні тактики парентального німецькомовного дискурсу / І. М. Осовська // Наукові записки. Серія „Філологічна”. – Острого : Вид-во Національного університету „Острозька академія”, 2010. – Вип. 16. – С. 240–246.
9. Сиротинина О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / О. Б. Сиротинина // Лики языка. К 45-летию Е. А. Земской : сб. науч. статей. – М. : Наследие, 1998. – С. 348–354.
10. Смирнова А. Г. Функционально-стилистическое своеобразие семейной речи : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А. Г. Смирнова. – М. : МГУ, 2008. – 23 с.

*Ирина Морозова
(Одесса)*

ЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ МИМИКРИИ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

В статье рассматривается проблема соответствия речи коммуникантов их социальному статусу. В центре внимания исследователя находится проблема уподобления речи говорящего речи слушающего в целях оптимизации процесса речевой коммуникации.

Ключевые слова: предложение, социальный статус, речевая мимикрия, элита, люмпен, информация.

У статті розглядається проблема відповідності мовлення комунікантів їхньому соціальному статусу. У центрі уваги дослідника знаходиться проблема уподібнення мови мовця мові слухача з метою оптимізації процесу мовної комунікації.

Ключові слова: речення, соціальний статус, мовленнєва мімікрія, еліта, люмпен, інформація.

The article considers the problem of speech correlation of the speaker and their social status. The focus of investigation lies on adjustment the addresser's speech to that of the addressee so as to optimize the process of speech communication.

Key words: sentence, social status, speech mimicry, elite, lumpen, information.

Современная лингвистика уделяет большое внимание важности личностного подхода к дискурсу, роли его субъекта, специфике личностно-ориентированных исследований в области вербальной коммуникации [2; 9; 10; 17; 22; 23 и др.]. Актуальность данной работы прямо вытекает из личностного аспекта речевой коммуникации. «Личность включена в дискурс, но вместе с тем она творит этот дискурс» [13, с. 15]. Объектом данной работы выступает современный англоязычный персонажный диалог. Предмет исследования – синтаксис персонажной речи.

Являясь виртуальной фиксированной моделью человеческой коммуникативной деятельности, художественный диалог отражает речевые особенности коммуникантов и сопряжен со сложной системой структур сознания. Концептуально данное исследование базируется на понимании художественного диалога не только как продукта авторского замысла, но и как отражения продукта языковой деятельности определенных личностей, героев произведения. Очевидно, чтобы художественный диалог мог быть адекватно воспринят читателем, персонажи должны использовать языковые конструкции, типичные для представителей тех социальных кругов, воплощением которых они являются в произведении.

Языковая личность производна от социальной сферы, в которой преломляются многочисленные и противоречивые классово-имущественные, профессионально-групповые, возрастные, этнические и прочие отношения.

Необходимо учитывать, что предложение как продукт человеческого сознания и его отражение на вербальном уровне – результат когнитивной деятельности не усредненного человека вообще, а конкретной человеческой личности, на которую влияют и статус говорящего, и его возраст. В связи с этим возникает вопрос о степени зависимости персонажной речи от социального уровня персонажа, разрешить который поставлено целью данной статьи.

Фактический материал исследования представляют 350 диалогов, отобранных методом сплошной выборки из современного англоязычного романа (2040 усредненных страниц).

Проявление социальных различий на уровне лексических единиц исследовали в своих работах В.А. Аврорин, Р.Т. Белл, В.И. Заботкина, В.И. Костомаров, С.И. Ожегов, И.Е. Токарева [15], А.Д. Швейцер [20]

и др. Часто таковые заметны даже не-лингвисту, а стороннему наблюдателю и объясняются привычной для различных людей сферой общения, где употребляются те или другие лексические единицы. Перефразируя профессора Хиггинса из «Пигмалиона» Б. Шоу, отметим, что уровень образованности как один из возможных детерминантов социального статуса и социального стратума, к которому принадлежит говорящий, замечается аудиторией мгновенно и по особенностям артикуляционно-интонационным, по фонетике говорящего. При этом, в особенности актуальным – и не исследованным в достаточной мере – является грамматический план речевой стратификации. Привычное употребление носителем языка правильных или неправильных грамматических форм в морфологическом аспекте легко прогнозируемо и едва ли несет новую информацию о влиянии социального статуса на человеческое сознание. Существенно новые данные, в то же время, может дать изучение синтактики речи представителей различных социальных кругов, ведь еще во времена античности Платон и Аристотель указывали, что каждое предложение соответствует определенной законченной мысли, при чем последняя диктует ту или иную структурную организацию предложения. Так, Аристотель в своих трактатах «Аналитика», «Топика», «О софистических опровержениях», анализируя смысловое содержание той или иной точки зрения, непременно анализировал структуру и семантику предложений, воплощающих данную мысль [1]. Таким образом, Аристотель находит предложение воплощением речевой структуры мысли. Очевидно, что познавательная-отражательная функция предложения связана с непосредственной передачей информации от говорящего к слушающему в процессе речевого общения. Иными словами, предложение является носителем сообщения, единицей коммуникативно-предикативной. Что же касается предложения как способа выражения законченной мысли, то, во-первых, неизвестно, какую мысль считать законченной, а во-вторых, с каким именно типом синтаксического построения можно соотнести законченную мысль. Так, например, можно ли считать типичное английское предложение *It depends* законченной мыслью. Соотносясь коммуникативно с русским «*Это зависит от обстоятельств*», английское предложение, формально является незаконченным, так как эксплицирует только «*Это зависит*». Тем не менее, приведенное предложение воспринимается

носителям языка как понятное речевое клише. При этом, возможность передать законченную мысль или речевое сообщение без того, чтобы воплотить ее в форме предложений, если и существует, то очень невелика.

Трудность выделения конечных единиц исследования текста заключается в том, что текст как продукт целенаправленной речевой деятельности характеризуется тенденцией к слитности. В то же время он представляет собой «систему функциональных блоков, которые обеспечивают последовательность этапов достижения цели» [3, с. 26] и может быть сегментирован на более мелкие синтаксические единицы предложения. В своем исследовании мы базировались на понимании предложения как формального аналога высказывания и рассматривали его в контексте персонажного диалога в макро контексте всех его составляющих.

Функция языковой системы и языкового материала, с одной стороны, и цели речевой деятельности, с другой, – определенным образом взаимодействуют. Намереваясь осуществить речевой акт, говорящий ставит перед собой задачу достичь определенной прагматической цели, т.е. некий заранее мыслимый результат речевой деятельности, лежащий вне самой речевой деятельности. В то же время, чтобы достичь данную прагматическую цель, говорящий ставит перед собой сначала чисто языковую задачу – создать коммуникативную синтаксическую структуру предложения целенаправленного, функционального характера.

Несмотря на то, что аутентичный и художественный диалог не являются идентичными, в художественном диалоге отражаются и фиксируются особенности устной разговорной речи. О.Б. Сиротина замечает, что художественный диалог является «симуляцией разговорной речи» [302, с. 167]. Е.В. Тартачная пишет: «Как правило, автор использует разговорную речь для социальной и психологической характеристики персонажей: показа их эмоционального состояния, отношения субъекта к адресанту, создания необходимой атмосферы повествования, определения социальной принадлежности индивида» [14, с. 39–40; 4, с. 42]. Пользователь языка употребляет такие языковые стереотипы, которые органичны его мировоззрению. С другой стороны, человек – существо общественного порядка и является отражением определенной общественной среды.

В связи с тем, что человеческое мышление формируется, в том числе, вследствие человеческого взаимодействия и человеческого общения, то и сфера общения является одним из факторов, определяющих ментальность и мышление человеческой личности.

Очевидно, что обмен информацией осуществляется между коммуникантами, являющимися, с точки зрения их общественного положения, представителями различных социальных классов. В этой связи особое значение приобретают понятия микро- и макросоциальной среды. С точки зрения социолингвистики, особое значение имеет именно понятие макросоциальной среды, предполагающее наиболее резкое речевое расхождение между представителями определенных кругов. Социальный статус носителя языка влияет на речевое поведение индивидуума и во многом предопределяет выбор тех или иных коммуникативных речевых форм.

В процессе общения и благодаря ему происходит становление индивида как члена общества и как личности. Индивидуальный характер персонажа связан с его полом, возрастом, интеллектом, уровнем образованности, профессией, государственной и социальной принадлежностью, то есть с характерными признаками личности. Отсюда и персональная речь в художественном произведении, речь индивида вообще имеет свои, отличные от других, социопсихолингвистические особенности.

По определению Е.В. Руденского, «социальный статус характеризует позицию человека в социальной общности, ее права, обязанности, престиж, полномочия и т. д.» [11, с. 155].

Таким образом, социальная стратификация является внешней формой организации общественного языка в определенный исторический период, а сам процесс речевого общения включается в социальные отношения коммуникантов, являющихся его неразрывной частью.

Социальный статус отражает место, занимаемое личностью в социальной структуре, ее национальную, классовую принадлежность, ее экономическое, правовое положение, профессиональную характеристику, образовательный, культурный уровни. Очевидно, что процесс речевой коммуникации может осуществляться как между представителями одного и того же социального круга, так и между представителями различных социальных кругов. Подобно структуре социальной дифференциации общества, структура социальной

дифференциации языка, так или иначе, отражена во всех языках мира. Так, стратификационная вариативность речевых форм в любом языке связана с социально-классовой структурой общества, с его делением на классы и социальные слои. Как пишет в своей монографии В.Я. Мизецкая: «Разделение между речью образованного культурного человека и человека недостаточно образованного и недостаточно культурного происходит по различным линиям. Различия затрагивают и область фонетики, и область лексики, и грамматическую сферу» [5, с. 43]. М. Юсселер выделяет такое понятие, как социолект, то есть язык, который определяется социальным статусом говорящего: «в языке все является социально-обусловленным, пусть даже весьма различным и отчасти даже косвенным образом» [21, с. 145].

В своем исследовании мы исходили из следующей гипотезы: если речь персонажа психологически и социально детерминирована, существует некоторое количество структурно различных знаковых моделей, характерных для той или другой социальной или психологической группы личностей.

При исследовании влияния фактора социальной принадлежности говорящего на его речь, персонажи художественных произведений были, по аналогии с социальной моделью общества, предложенной известным американским социологом Дж. Уорнером, условно разделены на три группы: «элита»; «рабочие и служащие» и «люмпен» [24].

Элита (от франц. *elite* – избранный) в широком значении – лучшая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. В настоящей работе этот термин используется в узком смысле – группа людей с высшим образованием, занимающая ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности.

Люмпен – деклассированные, опустившиеся элементы, имеющие низкий уровень образования или не имеющие его вообще.

Между указанными выше социальными оппозициями существует определенная прослойка, либо тяготеющая к элите, либо, наоборот, к люмпену, в зависимости от условий существования.

Исходя из сказанного, к «элите» мы относим аристократию, священников, представителей высших слоев общества, как то: солидные бизнесмены, юристы и другие люди, имеющие высшее образование. К категории «рабочие и служащие» были отнесены рабочие, фермеры, мелкие клерки, представители бытового обслуживания и

так далее. К категории «люмпен» в работе условно были отнесены представители «социального дна», личности, обладающие минимумом или вообще не имеющие образования, типа: чистильщик обуви, торговец зеленью, полуграмотная служанка и тому подобные [6, с. 166].

Все перечисленные свойства социальных групп накладывают отпечаток на их речь и речевые манеры, устанавливается общая речевая дисциплина и единый речевой код, а это, в свою очередь, предопределяет язык и речевое поведение индивидов в процессе их взаимоотношений в той или иной общности.

Для обеспечения объективности количественного сопоставления было отобрано по 1000 речевых образцов из каждой исследуемой параллели. (Достоверность результатов подтверждена вычислением относительной ошибки).

Проведенное исследование свидетельствует о том, что простое предложение как форма передачи сообщения превалирует в речи всех выделенных условных групп, максимально концентрируясь в речи группы «люмпен» (соответственно 78 %). Но и в речи групп «элита» и «средний слой» простые составляют более половины всех употребляемых предложений (56,5 % и 60 % случаев).

Сложные и осложненные конструкции преобладают в речи «элиты» (соответственно, 23,5 % и 20 %). «Средний слой» использует указанные конструкции в 27,5 % и 12,5 % случаев. Что касается речи групп «люмпен», то сложные построения используются здесь примерно в 13 % случаев, а в 9 % – осложненные.

Таким образом, персонажные личности, обладающие определенным уровнем образования и социальным статусом, предпочитают в диалоге синтаксически *сложные* конструкции. А люди, относящиеся к социальному дну, используют в своей речи преимущественно синтаксически *простые* построения.

В то же время, в процессе исследования в контрольной группе «средний слой» были засвидетельствованы 57 речевых образцов, нетипичных для этой группы по своей синтаксической организации и коммуникативному содержанию. Отметим, что чаще всего они принадлежали персонажам, задействованным в сфере обслуживания: горничной, продавцам, парикмахеру, официантке. Однако отдельные случаи приближения речи говорящего к уровню восприятия ее собеседником обнаружены и у представителей «элиты». Например:

– *Figure, you gotta us scared? – Sir Walter addressed the gorilla-like sailor. – Don't take him seriously, my lady. (D. Townberg)*

В приведенном примере аристократ обращается к подгулявшему матросу на «его языке», умышленно приближая свою речь к речи «низов».

Отсюда, говорящие в симметричной (термин Н.М. Фирсовой [18, с. 16]), или равноположной сфере общения изъясняются привычными для этого слоя речевыми конструкциями. В общении же с представителями других социальных слоев, т. е. в ассиметричном диалоге, говорящие искусственно уподобляют им свою речь.

Такое осознанное или неосознанное уподобление собственной речи коммуникативным моделям, близким собеседнику, с целью оптимизации речевого общения мы называем **речевой мимикрией** (англ. *mimicry* – подражательность).

Сам термин «мимикрия» заимствован нами из биологической науки, где он понимается как «покровительственная (защитная) окраска и форма» [25]. Это природное свойство является полезным для жизни, так как сходство по цвету или по форме некоторых животных или растений (а также отдельных органов растений) с другими животными, растениями или предметами окружающей среды способствует выживанию организмов. В нашем случае, речевая мимикрия помогает собеседнику быть понятным и воспринятым его речевым партнером, а следовательно, способствует достижению говорящим его конечной коммуникативной интенции.

В соответствии с принципами эквивалентных замен в языке, отправитель заменяет сложные и нехарактерные для получателя информационного сообщения более простыми, понятными собеседнику сигналами. Возникающий в сознании концепт отражает первичный знак не прямо, а превращенно, т. е. понимание сигнала происходит на более глубинном психологическом, эмоциональном уровне [7]. Вариантное использование различных по своему синтаксическому оформлению структур, наряду с лексическими изменениями в речи для передачи одного и того же коммуникативного содержания является возможным благодаря основному закону сохранения и транслирования информации. Преломляя теорию информации к теории предложения в когнитивном плане, нетрудно заключить, что структурные

типы предложения, фиксирующие и транслирующие информацию, являются своего рода операторами. Отражение в сознании человека множества комбинаций «ситуация–цель–информация» подчиняется определенной синтаксической системе. Основываясь на свойстве полипотентности информации, можно утверждать, что для достижения одной и той же цели в данной ситуации с тем или иным эффектом может быть использовано множество разных информаций и основанных на них операторов. При этом, само существование в языке различных способов транслирования информации или различных синтаксических операторов в виде коммуникативных типов предложения является надежным способом сохранения жизнеспособности и фиксируемости информации как таковой. Вопрос же о семантике того или иного типа информации сводится к типу кода, избранному говорящим в качестве своего оператора. «Каждая данная информация однозначно определяет оператора, для построения которого она использована» [3, с. 52]. Так, информационная модель предложения является эксплицированной, упрощенной формой отражения знаний. «Информация с позиции теории отражения может быть представлена как отраженное многообразие, а именно разнообразие, которое один объект содержит в другом объекте» [16, с. 217].

Таким образом, каждый раз, когда, выбирая тип предложения в качестве оператора, говорящий задается целью приблизить информацию к уровню восприятия ее слушающим, наблюдается явление **речевой мимики**.

Последняя засвидетельствована нами в художественном диалоге, как на уровне синтаксиса, так и на уровне морфологии. Речевая мимика в диалоге связана, с нашей точки зрения, прежде всего с социальной ролью, которую в момент общения исполняет говорящий. При этом, понятие «социальная роль» не следует смешивать с понятием «социального статуса». Один и тот же человек в различных ситуациях может выполнять различные социальные роли: отца, директора, клиента и др. Сравним, как обращается официантка Съюзи к своему бойфренду Марку (а) и к важному посетителю в ресторане (б). Например:

(a) - Ain't you a duck of a boy to buy me this sweetie handbag? – Mark grinned.

(b) - Will you be seated, sir? I hope you'll feel comfortable here.

(K. J. Mc Pine).

Очевидно, что и по своему грамматическому оформлению, и по лексическому наполнению приведенные реплики одного и то же персонажа очень различаются. Отметим, что в 36 случаях речевая мимикрия проявляется на синтаксическом и лексическом уровнях одновременно; в 15 случаях – только на уровне коммуникативного содержания, а в 6 – только на уровне синтаксиса. Такое количественное соотношение мы объясняем с позиции философии познания. Еще античные философы считали, что реально существующее бытие предстает как единство материи и формы [12, с. 61; 19]. Отсюда изменение формы (в нашем случае, синтаксического оформления высказывания) влечет за собой изменения его коммуникативного содержания. Что же касается изменений *только* на уровне синтаксиса или на уровне лексических единиц, необходимо принять во внимание тот факт, что представители всех трех изученных социальных слоев, в целом, употребляют одни и те же синтаксические конструкции, но в разном количественном соотношении. Вполне очевидно, что конкретный, взятый изолированно индивидуум, представитель определенного социального слоя, может использовать не типичные для данного слоя синтаксические конструкции в силу каких-либо определенных лично для него обстоятельств. Так, занимающийся своим самообразованием таксист может в своей речи использовать синтаксические построения, характерные для людей высокого культурно-образовательного уровня (как делает Джо Уолтер в романе Дж. Ларка «*A Crow on the Roof*»).

– *What do you think of it, Joe? – I asked.*

– *Well, sir. – He paused. – I regret to inform you that, to put it mildly and tolerantly, he should feel somewhat offended. An apology is expected forthwith (J. Lark).*

Ответная реплика Джо отличается как сложным синтаксическим оформлением, так и явной «книжностью» лексики. Джо в свободное время читает много классики, штудирует энциклопедию, и это отражается на его манере высказывать свои мысли.

Проведенное исследование доказывает, что языковая личность возникает не извне, а изнутри диктуемой целесообразности, путем превращения осваиваемой общественной культуры в творческую индивидуальную языковую деятельность. В то же время выбор определенной формы коммуникативных единиц языковой личностью

производится на сознательном и подсознательном уровне и всякий раз меняется в зависимости от интер- и экстралингвистических и личностных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Категории. Об истолковании. Первая аналитика. Вторая аналитика. Тописка. О софистических опровержениях / Аристотель // Соч. в 4 т., т. 2. – М. : Мысль, 1978. – 688 с. – (Серия «Философское наследие»).
2. Ейгер Г. В. Языковые способности : учебн. пособие / Г. В. Ейгер, И. А. Раппопорт, Г. Я. Узилевич. – Харьков, 1992. – 132 с.
3. Корогодина В. И. Информация как основа жизни / В. И. Корогодина, В. Л. Корогодина. – Дубно : Феникс, 2000. – 208 с.
4. Мейеров В. Ф. Предложения с обращениями / В. Ф. Мейеров, Л. Н. Зубрилина. – 2-е изд. – Иркутск : Иркутский ун-т, 1989. – 117 с.
5. Мизецкая В. Я. Композиционно-речевая организация персонажей подсистемы в драматургическом тексте / Мизецкая В. Я. – Одесса, 1992. – 254 с.
6. Морозова И. Б. Структурно-организующая роль простого предложения в различных функциональных стилях и формах общения (на материале современного английского языка) : монография / И. Б. Морозова. – 2-е изд., доп. и расш. – Одесса : АО БАХВА, 1998. – 192 с.
7. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
8. Полищук Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г. Г. Полищук, О. Б. Сиротина // Лингвистика и политика. – М. : Наука, 1979. – С. 173–204.
9. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика / Р. К. Потапова. – М. : Наука, 1997. – 247 с.
10. Радзівєвська Т. В. Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзівєвська. – К. : НАН України ; Ін-т української мови, 1998. – 194 с.
11. Руденский Е. В. Социальная психология : курс лекций / Е. В. Руденский. – М. : ИНФРА-М ; Новосибирск : НГАЭиУ, 2000. – 222 с. – (Высшее образование).
12. Смирнов И. Н. Философия : учебник для студентов ВУЗов. – изд. 2-е, испр. и дополн. / И. Н. Смирнов, В. Ф. Титов. – М. : Прогресс, 1998. – 288 с.
13. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения / И. П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения : межвузовский сб. научн. трудов. – Калинин : Калининский ун-т, 1989. – С. 9–16.

14. Тартачная Е. В. Стилистика разговорной речи в иностранной художественной прозе / Е. В. Тартачная // Очерки по теории языкознания. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1987. – С. 37–48.
15. Токарева И. Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты: на материале произведений Джона Фаулза : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / И. Е. Токарева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 182 с.
16. Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк / А. Д. Урсул. – М. : Политиздат, 1968. – 288 с.
17. Федькина Л. Н. Эмоциональное состояние человека и отражающая его лексика / Л. Н. Федькина // Вісник Харківського державного ун-ту. Система мови та мовленнєва діяльність. – 1996. – № 386. – С. 135–139.
18. Фирсова Н. М. Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. – М. : КомКнига, 2006. – 208 с.
19. Франк Д. Семь грехов прагматики / Д. Франк // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 363–373.
20. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 38–48.
21. Юсселер М. Социолингвистика / М. Юсселер. – К. : Вища школа, 1987. – 200 с.
22. Karoly C. Kinds of Sentences Examined from Point of View of Function and Form / C. Karoly // Act a Linguistica. – Budapest, 1963. – Т. XIII. – F. 3–4. – P. 225–238.
23. Smith J. Methodological Diversity: Advantages and Pitfalls / J. Smith // Language and Social Psychology. – 1998. – September. – P. 32–41.
24. Warner W. L. Social Class in America, The Evaluation of Status, a Manual of Procedure for the Measurement of Social Status / W. L. Warner – N. Y. : Harper Collins, 1969. – 276 p.
25. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : mirslouvrei.com/content_soc/mimikrija-199.html.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Lark J. A Crow on the Roof / Lark J. – London : Penguin Books, 2004. – 195 p.
2. Mc Pine K. J. Things Happen / Mc Pine K. J. – N. Y. : Arthur Levine Books, 2007. – 215 p.
3. Townberg D. They Were at Sea / Townber D. – London : Collins / Fontana Books, 1998. – 320 p.